
МИР НА ПЕРЕПУТЬЕ

Л. Е. ГРИНИН

ПАНДЕМИЯ, ГЕОПОЛИТИКА И РЕЦЕССИЯ*

Развернувшаяся пандемия коронавируса может стать одним из важных поворотных моментов в изменении мирового порядка, многих политических, социальных и иных отношений в Мир-Системе. Вместе с инфекцией началась и рецессия, которую давно ожидали. Оба процесса создали синергетический эффект крайне негативного влияния на экономику и жизнь. В статье автор делает прогнозы о том, как развернувшиеся негативные процессы повлияют на экономику в текущем году, а также в среднесрочной и долгосрочной перспективе; как изменится соотношение сил в мире, кто из великих держав выиграет, а кто проиграет, какое влияние это окажет на мировой порядок, а также о многом другом.

Ключевые слова: *коронавирус, пандемия, рецессия, мировой порядок, баланс сил, внутривнутриполитическая борьба, антитрамповские силы.*

Небывалые в истории меры в борьбе с пандемией на фоне усиления основного противоречия современной эпохи

Пандемия инфекций, даже с относительно высокой летальностью, конечно, не является чем-то новым. На момент написания этих строк смертность от нового коронавируса составляла более 300 тыс. человек, что в принципе сопоставимо, например, с летальностью вируса H1N1, который в 2009 г., по некоторым данным, унес жизни от 100 до 400 тыс. человек¹. В настоящее время, вплоть до момента массового применения надежных средств диагностики,

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

¹ Осложнения, лишь в какой-то мере связанные с этим вирусом, провоцируемые им, стали одной из главных причин смертей, поскольку в основном смерть настигала пожилых и больных людей.

во многих случаях связь между влиянием COVID-19 и причиной смерти людей в статистике практически не могла точно определяться, то есть фактически в большинстве летальных случаев влияние вируса фиксировалось без точного определения его роли.

Однако внимание к пандемии в 2009 г. и в 2020 г. отличается колоссально. И чиновники, принимающие решения, и обычные граждане, столкнувшиеся с серьезными ограничениями и материальным ущербом, в прямом смысле испуганы и дезориентированы. Но главное и принципиально новое – беспрецедентные меры по обеспечению безопасности населения и его иммобилизации. Эти меры, которые ранее применялись, может быть, только во время ведения военных действий, оказывают крайне разрушительное влияние на экономику многих стран и мировую экономику в целом. Ведь в настоящее время карантинные меры той или иной степени жесткости распространены почти повсеместно.

Еще один важный, в чем-то даже первостепенный момент создавшейся ситуации – хорошо срежиссированное и скоординированное поведение СМИ (как национальных, так и глобальных), что заставляет предполагать наличие мощных, прежде всего наднациональных сил, пытающихся использовать эпидемию в собственных целях и интересах.

Хотя эти силы явно себя не позиционируют, но можно предположить, что некоторые из них надеются на усиление своих позиций в мировой фармацевтике, в частности на рынке вакцин. В этой связи особенно часто называются фамилии Билла Гейтса и Энтони Фаучи. Последний с 1984 г. является директором Национального института изучения аллергических и инфекционных заболеваний (США). Другой силой, заинтересованной в нагнетании чрезмерного страха перед эпидемией, является антирамповская глобалистски ориентированная коалиция в США, которая, пользуясь случаем, усиливает в стране экономические трудности, провоцирует панические настроения, создает массовую безработицу со всеми вытекающими последствиями. Они надеются на перелом в настроениях избирателей и последующее голосование против Д. Трампа. Хорошее состояние американской экономики всегда было основным козырем последнего. Задача оппозиции при таком раскладе – максимально продлить чрезвычайное положение, не дать экономике

восстановиться и вернуться к нормальной работе, а людям – прийти в себя и успокоиться к моменту выборов.

Не исключено, что будет разыграна карта возвращения эпидемии осенью, если не удастся сделать карантин непрерывным, хотя все больше американцев возмущаются ограничениями, а часть штатов стали их снимать. Поскольку и СМИ, контролируемые глобальным капиталом (прежде всего американским), и другие формы влияния позволяют силам в США в той или иной степени воздействовать и на остальной мир, то так или иначе пандемия должна продолжаться и в других странах, подрывая их экономику. Еще в 2005 г. автор этих строк сформулировал основное противоречие современной эпохи между общемировыми интересами и эгоистичными интересами США. Это противоречие будет нарастать, в том числе и потому, что политические силы Соединенных Штатов все заметнее используют внешнюю политику как инструмент достижения внутривнутриполитических целей, особенно – победы на выборах (Гринин 2005: 17; см. также: Он же 2018). При этом борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих учитывать в своей политике общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия. В настоящий момент, после прихода к власти Дональда Трампа, это стало особенно очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов даже своих союзников.

Все последние годы мы наблюдали метаморфозы этого противоречия, сегодня наблюдаем в нем совершенно новый поворот. Если подозрения, что США используют пандемию для внутривнутриполитической борьбы, верны, то в ближайшие месяцы можно ожидать самых неожиданных явлений.

Разумеется, никто не говорит о сознательном стремлении к временному ослаблению американской экономики. Однако пока со стороны противников Д. Трампа не заметно ни малейшего сожаления относительно падения ВВП, безработицы, которая уже приблизилась к 30 млн человек. Напротив, они усиленно призывают к более строгим изоляционным мерам, а всякие попытки Трампа сохранить экономический уровень жестко осуждаются. Так или иначе декларируемое возвращение к работе экономики будет мед-

ленным, неполным, в лучшем случае это только затормозит ее падение в пропасть.

Нарастающее приближение экономического кризиса и пандемия

Как известно, развитие экономики имеет циклический характер. В самом общем плане это связано с тем, что по разным причинам исчерпываются возможности для экономического роста: слишком дорогими становятся ресурсы, конкуренция за них усиливается, разлаживается сбыт, исчерпывается кредит, надуваются пузыри, растут издержки производства и т. д. В итоге экономический цикл завершается циклическим кризисом, который может происходить в разных формах. Нередко кризисы связаны с обвалом биржевых стоимостей, резким падением объема производства, массовыми разорениями, но иногда реализуются в виде относительно медленного спада, имеющего затяжной характер. Подобно войнам и революциям, все кризисы имеют некоторые общие черты, но в то же время проходят по-разному, каждый из них демонстрирует значимые особенности. Кризис можно рассматривать как часть экономического цикла, когда потенциал роста временно оказывается исчерпанным. При этом принудительно восстанавливаются пропорции, более соответствующие наличным возможностям общества. Кризис – это лишь часть цикла, в рамках которой структурные противоречия и несоответствия общества становятся на время непреодолимыми. Но затем они частично разрешаются, открывая возможности для начала нового цикла (подробнее о природе экономических кризисов см.: Tugan-Baranovsky 1954; Mitchell 1927; Schumpeter 1939; Haberler 1964 [1937]; Bernanke *et al.* 1998; Minsky 2005; Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; Grinin *et al.* 2016).

И устранить эту цикличность экономического развития, несмотря на все усилия, не удастся. В то же время различные проциклические и антициклические действия финансовых регуляторов и правительств могут очень существенно повлиять на характер протекания экономического цикла (также называемого жюгляровским), в частности сократить или растянуть его длительность. К примеру, в 1950–1960-е гг. ФРС повышениями учетных ставок влияла на то, что экономические циклы в США завершались раньше, чем могли бы, а экономические кризисы носили нетяжелый

характер. В последнее время, напротив, стали очень активно применяться антициклические меры, в частности, снижение ставок вплоть до нуля или даже отрицательных величин, искусственная поддержка кредита, активное насыщение рынка финансами, выкуп обязательств и прямая помощь отдельным игрокам. После кризиса 2008 г. эти меры приняли гигантские масштабы (а в настоящий момент стали просто фантастическими по объемам). В результате основные диспропорции прошлого цикла перед кризисом 2008 г., связанные с замедлением и даже падением роста производительности труда, перекредитованностью бизнеса и населения, чрезмерным объемом государственного долга, низкой долей или даже снижением инвестиций в ВВП, сокращением доли реального сектора в ВВП и чрезмерной ролью финансового сектора, не были ликвидированы.

Напротив, финансиализация экономик приняла гипертрофированные масштабы, что только обострило указанные слабости. В результате за счет дешевых кредитов образовалось множество предприятий со слабой способностью к конкуренции (которые даже получили название «фирмы-зомби»), практически не имеющих прибыли, не говоря уже о том, чтобы быть инновационными. В итоге экономика в целом ослабела, а темпы роста замедлились. Мировая торговля также стала буксовать. Какие-то темпы роста поддерживались только огромными финансовыми вливаниями в экономику. Мировая экономика подошла к рубежу кризиса фактически уже в 2016 г., но сдувания пузырей на фондовых биржах не происходило благодаря усилиям правительств и центральных банков, а экономический рост поддерживался ростом государственного долга и фискальными мерами (вроде значительных снижений налогов и крупных амнистий в США). Таким образом, наступление кризиса было задержано на три-четыре года. Как и многие другие, мы прогнозировали наступление кризиса в конце 2010-х гг. В 2019 г. ожидание рецессии стало едва ли не массовым, поскольку все ресурсы оказались исчерпанными, а ФРС, американское и другие правительства буквально в ручном режиме пытались спасти рынки.

Для теории экономических циклов очень важным является своего рода правило, что для начала кризиса и перехода в рецессию требуется какой-либо триггер. При этом чем сильнее выросли эко-

номические диспропорции и противоречия, спекуляции и рискованные операции, тем меньшего масштаба требуется триггер. В итоге два события, совпавших по времени, запустили текущий кризис: резкое снижение цен на нефть и ценовая война на этом фронте, а также (в еще большей степени) начавшаяся пандемия. Последняя стала триггером экономического кризиса едва ли не в первый раз за всю почти двух с половиной вековую историю кризисов (хотя эпидемии и оказывали некоторое влияние на отдельные кризисы XVIII столетия). И крайне характерным моментом для современного вступления в рецессию является то, что экономику обрушивают не столько экономические, сколько политические меры. Хотя, повторим, даже без пандемии мировая экономика неизбежно вступила бы в рецессию в течение года или полутора лет.

Ожидаемые последствия пандемии для мировой экономики в оставшиеся месяцы 2020 г.

Негативный эффект от пандемии в любом случае будет огромным. Падение экономики началось уже в первом квартале. Потери китайского экспорта, который упал за январь – апрель на 9 %, а также первое за 30 лет сокращение ВВП за первый квартал на 7 % показывают минимальные масштабы потерь в других странах, реальные цифры в которых, скорее всего, окажутся хуже прогнозов. В США, как уже сказано, число поданных новых заявок по безработице (правда, по новым либеральным правилам) достигло фантастической цифры в 33 млн. В марте снижение ВВП в США достигло почти 5 %. В Европе и Соединенных Штатах, а также в России падение во втором квартале может быть и, скорее всего, будет еще существеннее (это не исключено и для Китая). В конце марта экс-глава Федеральной резервной системы США, а ныне эксперт вашингтонского Института Брукингса Джэнет Йеллен (Janet Yellen, Brookings Institution) в ходе организованной 30 марта веб-конференции отметила, что падение экономики США во втором квартале может достигнуть 20 % (Егисман 2020). Однако падение может оказаться более значительным и продлиться также в третьем квартале. Экономики Западной Европы и в целом Европейского союза, по признанию руководителей, столкнулись с самым серьезным падением за многие десятилетия.

Очевидно, что влияние на мировую экономику напрямую зависит от длительности принимаемых мер, их жесткости, тотальности, то есть от того, как долго пандемия будет распространяться, нарастать, будет ли она возвращаться. И в еще большей степени – от характера реакции на развитие пандемии.

Крайне важным моментом является то, что вспышка коронавируса совпала по времени с обрушением фондовых рынков, падением нефтяных цен и начавшейся ценовой войной, а также рецессией в целом, о чем было сказано выше. Оба процесса создали синергетический эффект негативного влияния на экономику. Также очень важным вопросом является то, как быстро после снятия карантинных мер станет восстанавливаться экономика, будет ли это V-образное падение и восстановление² или более медленное и трудное в связи с тем, что многие цепочки поставок окажутся разрушенными, возможны изменения конфигураций деловых связей, разорение части малого и среднего бизнеса, изменение предпочтений потребителей и т. п. С каждым днем надежды на V-образное течение кризиса уменьшаются, и сейчас в это уже мало кто верит. Неясно также, начнется ли восстановительный рост в третьем или только в четвертом квартале 2020 г. Если усилия антитрамповских сил в США по дестабилизации экономики не ослабнут, то восстановительный рост будет либо прерван, либо начнется с большим запозданием.

В целом в календарном 2020 г. можно предполагать существенное замедление мировой экономики и падение ВВП во многих странах, особенно в развитых государствах. Вероятно, можно будет рассматривать 2009 г. как минимальный ориентир показателей для падения экономики в 2020 г.

При этом, с учетом их крайней взаимозависимости, могут пострадать практически все экономики мира, но особенно сильно те страны, где туризм (преимущественно внешний) составляет значительную долю ВВП, а также государства, которые получают валюту за счет переводов от граждан, работающих за рубежом (например, Украина), поскольку в связи с рецессией многие вернутся или

² Например, в Гонконге при распространении вируса атипичной пневмонии в 2003 г. экономике был нанесен серьезный ущерб, но за ним последовало очень быстрое восстановление.

уже вернулись на родину, и страны, которые в большом объеме экспортируют сырые материалы. Касается это также бедных государств, экономика которых ориентирована на США или других экономических гигантов (вроде Коста-Рики, где положение уже сейчас тяжелое). Страны с фиатными валютами (в основном развитые) могут поддерживать свои экономики за счет роста внутреннего долга и эмиссии ЦБ, поэтому в краткосрочном периоде до конца года в состоянии потерять не так много процентов от ВВП. Страны, импортирующие нефть и энергоносители, сумеют за счет этого несколько снизить потери, но далеко не полностью их возместить.

Позиции нефтеэкспортирующих стран ухудшатся, если эпидемия и соответственно борьба с ней затянутся. Есть опасность, что золотовалютные запасы за это время окажутся во многом исчерпаны, а нефтяные хранилища – переполнены. Недавнее соглашение о сокращении добычи ОПЕК+ пока серьезных результатов не принесло. Реальной, хотя и крайне трудной мерой выравнивания цен могут быть новые соглашения о сокращении добычи нефти, особенно с привлечением представителей США, поскольку нефтяная отрасль там испытывает очень серьезные трудности.

Если низкие цены останутся надолго, то экономические позиции и Саудовской Аравии, и РФ ослабнут, но ситуация в первой может оказаться драматичнее. Этот год может стать примерно таким же рубежным для ОПЕК, каким был 2014 год: либо эта организация де-факто расширит свои возможности, либо ее позиции существенно ослабеют.

Во многих экономиках произойдет рост онлайн-продаж в ущерб ритейлу (офлайн-продажам). И этот тренд может впоследствии сказаться на ухудшении экономик многих городов, усилить проблемы с их бюджетами, а также стать одной из причин роста безработицы. Намного заметнее, чем в других секторах мировой экономики, в 2020 г. негативные последствия будут наблюдаться в сферах международной торговли и международного туризма, авиа- и других перевозок и пр.

Отметим, что хотя общее снижение темпов роста будет наблюдаться повсюду, экономики развивающихся стран в целом будут замедляться слабее, чем развитых, то есть они станут увеличивать свою долю на мировом рынке в сравнении с последними. В развитых же странах, повторим, может быть и отрицательный рост, так

же как, впрочем, и в ряде нефтеэкспортирующих государств, включая Россию.

Влияние пандемии на мировую экономику

Помимо вышесказанного, отметим изменения, вызванные синергетическим эффектом влияния пандемии и рецессии на финансовую политику развитых стран. США и Европа в настоящее время (а Япония – уже с некоторых пор) стали в невиданных масштабах наращивать эмиссию и внутренний долг. Эмиссия ФРС только за 2020 г. может достичь сумм, которые были эмитированы в предшествующее десятилетие. Фактически идет сращивание финансовой силы государства и крупных частных игроков и капиталов. На некоторое время это может дать эффект: притушить обвал рынков (даже помочь им восстановиться), ослабить рецессию. Но это возможно только за счет снижения темпов роста экономики после 2020 г. Особенно заметно это будет в США, где финансовым и политическим властям придется поддерживать фондовые рынки, низкие ставки, пытаться препятствовать банкротствам и т. п. Все это сделает их экономику менее конкурентоспособной, у граждан усилит привычку жить не по средствам (за счет постоянно растущего долга) и в долгосрочной перспективе ослабит позиции доллара. В ближайшие годы или даже месяцы можно предполагать введение США отрицательных ставок, а также заимствование Соединенными Штатами и Европой из Японии практики прямой покупки акций центральными банками на фондовых рынках.

Также можно отметить усилившееся соревнование между Д. Трампом и демократами в вопросе о том, какая сторона предложит больше денег и форм помощи американцам в течение 2020 г. Такой популизм, несомненно, разгонит национальный долг США только за один год на несколько триллионов долларов (можно предполагать, что не менее чем на 5 трлн). Это сделает дальнейший рост государственного долга почти неуправляемым, и главным кредитором станет ФРС. Подобные процессы усилятся также в Европе и Японии.

В отношении Китая тоже можно предполагать дальнейшее замедление темпов роста после 2020 г. и возрастание необходимости менять свою экономическую модель. Эта необходимость уже заметно назрела более десяти лет тому назад (см.: Гринин 2012а;

Grinin 2013; Grinin *et al.* 2015). Однако весьма сомнительно, что Китай готов к радикальному изменению своей экономической модели наращивания ВВП путем избыточных инвестиций и накачивания экономики кредитами. Поэтому, напротив, можно ожидать усиления эмиссии и всяческой поддержки экономики, что будет увеличивать диспропорции в экономике и создавать условия для будущих системных кризисов. Также, вероятно, усилится политика приписок для создания иллюзии, что замедление экономического роста не очень значительно.

Замедляющееся развитие мировой экономики, так же как экономики развитых стран по сравнению с нулевыми и даже десятилетиями, вполне укладывается в концепцию более кризисно-депрессивного экономического развития в понижательной фазе кондратьевских волн (циклов). В настоящий момент мы переживаем нисходящую фазу пятой кондратьевской волны (см.: Гринин, Коротаев 2012). Мы исходим из того, что правительства и финансовые власти развитых стран и Китая не готовы позволить развиваться рецессии естественным путем, а намерены поддерживать на плаву тысячи экономически обреченных предприятий и нерентабельных проектов, в несколько раз усиливая вливание денег в экономику и поддерживая низкие, нулевые и даже отрицательные ставки. Это одновременно позволяет с меньшими усилиями поддерживать стремительный рост национального долга. Отсюда можно ожидать, что новый среднесрочный жюглярковский цикл затянется дольше обычного.

Если считать, что в 2020 г. наступила рецессия, то предыдущий цикл Жюгляра длился более 11 лет. Это стало возможным только благодаря сверхмягкой финансовой политике и наращиванию национального долга в США, развитых странах и Китае, всемерным попыткам отодвинуть рецессию, помочь потенциальным банкротам. 11 лет считается предельным сроком для жюглярковских циклов (правда, на понижательных фазах в целом среднесрочные циклы несколько длиннее, чем на повышательных). Поэтому можно предположить, что наступивший среднесрочный цикл, который пока находится в фазе разворачивающейся рецессии, будет даже длиннее прошедшего (2008–2020 гг.). Длиннее, повторим, потому, что государства будут пытаться всячески избежать взрыва бирже-

вых и иных пузырей, вхождения в рецессию, ухода с рынка фирм с низкой конкурентоспособностью, «фирм-зомби» и т. д.

Естественно, нельзя ожидать, что в целом и спрос на энергоносители останется стабильно растущим, скорее, он будет волатильным, цены могут расти или быть стабильными только при ограничении предложения и при условии, что сжиженный газ начинает частично заменять нефть.

Кто из великих держав больше выигрывает, и, напротив, кто больше проиграет от пандемии

Здесь следует учитывать, что борьба с пандемией ведет к усилению рецессии. Поэтому в краткосрочной перспективе, если верно предположение, что в США антирамповские силы будут пытаться разыгрывать карту пандемии для победы на президентских выборах, то США могут проиграть больше других.

В то же время Китай может временно выиграть, так как имеет возможность под законным предлогом отказаться от невыгодных сделок с Трампом. Кроме того, КНР может одержать идеологическую победу, поднять свой престиж, доказав собственному населению и многим в мире, что способна на очень масштабные и эффективные меры по борьбе с эпидемией. На сегодня Китай является первой и единственной страной, которой удалось остановить распространение эпидемии. В этом плане он становится образцом для других стран, и это удобная и выгодная исходная позиция для усиления пропаганды величия китайского пути. В то же время Китаю придется очень трудно, так как обострится борьба с США (см. ниже), а последние, теперь это стало очевидным, готовы применять любые способы в борьбе с конкурентами.

В рамках Европейского союза может выиграть Германия как менее пострадавшая и имеющая больше ресурсов, поэтому не исключено увеличение немецкого влияния, в том числе немецких корпораций в Европе.

Риски сильно возросли и в России. К опасности установления низких цен на нефть на длительное время добавилось невиданное разрушение экономики за счет объявленного режима самоизоляции и прекращения работы предприятий. В итоге правительство взяло на себя очень большие обязательства в отношении помощи экономике и населению. И хотя реально этой помощи абсолютно недо-

статочны, расходы бюджета вырастут очень значительно. Как долго российский бюджет выдержит при резком падении доходов и мощном возрастании расходов, неясно, но явно не слишком долго. Все это делает финансово-экономическую и, следовательно, политическую обстановку в стране менее устойчивой.

В среднесрочной перспективе:

1. В целом может произойти ослабление всех нынешних крупных игроков и постепенное усиление растущих численно и экономически стран.

2. Страны, не имеющие свободно конвертируемой валюты, могут начать выходить из соглашений, препятствующих их ЦБ эмитировать валюту. В результате вероятно ослабление позиции доллара, то есть США.

3. Поскольку в результате борьбы с нарушителями карантина, несомненно, вырастет возможность контролировать население за счет новых технологий искусственного интеллекта и приобретенного опыта, авторитарные страны, такие как Китай и Россия, получат определенные дополнительные преимущества, хотя нынешние технологии цифрового контроля (вплоть до «цифрового рабства») активно внедряются и в так называемых свободных странах.

Мировой баланс сил

В краткосрочной перспективе мировой баланс сил может и не измениться. Однако если рецессия будет достаточно серьезной, а карантин – длительным, начнется постепенное изменение этого баланса, точнее, усилится процесс, который уже идет довольно долгое время. В целом мы называли его реконfigurацией Мир-Системы (Гринин 2012б; Grinin, Korotayev 2012). Он связан с постепенным разрушением старого порядка, основанного на гегемонии США, и возникновением условий для создания нового мирового порядка (Grinin *et al.* 2016). К сожалению, процесс этот идет «естественным», то есть стихийным и разрушительным образом. И нынешний временный отказ от базовых прав граждан, закрытие границ и т. п. вкпе с рецессией станут предпосылкой для существенных изменений в дальнейшем.

В частности, может начаться процесс ослабления нынешних глобальных и региональных центров силы. Возможно, всех центров, но в разной степени. В США внутренняя борьба приняла ха-

рактик гибридной гражданской войны: это будет ослаблять страну, делать ее внешней политикой все большей заложницей внутривнутриполитической борьбы.

Очевидно, что Соединенные Штаты теряют свои лидерские функции³. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия США (Гринин 2016). С приходом к власти Д. Трампа, из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения, «беспорядка» стало еще больше. Это свидетельствует об усилении описанного ранее противоречия. Для целей настоящего прогноза крайне важно подчеркнуть, что безотносительно к тому, кто победит на выборах президента США в 2020 г., пандемия станет новым рубежом в изменении позиций США в мире и одновременно новым пунктом ослабления их гегемонии, усиления противодействия такому развитию событий. Это потребует новых усилий Соединенных Штатов в борьбе за ослабление возможных соперников и подрыв их позиций в мире. Различия, скорее, будут заключаться в выборе стратегии и тактики такой борьбы, хотя в целом выбор у главных сил, направляющих политику США, не слишком велик. Также важно указать, что республиканский строй и демократическое правление, лежащие в основе их политической системы, противоречат их имперской позиции. И это противоречие не поверхностно, а системно, республиканизм и демократические ценности будут все сильнее вступать в конфронтацию с Империей, а поскольку ни от Республики, ни от Империи Соединенные Штаты отказаться не смогут, все это будет очень значимо и непредсказуемо влиять на политические процессы в США и болезненно отражаться во всем мире.

Иными словами, гигантская власть Соединенных Штатов Америки над миром и объективно вытекающая из этого ответственность за мировой порядок вступают в жесткое противоречие с архаичной политической системой и фактической безответственностью американского политического истеблишмента, не просчитывающего последствия своих действий на международной арене

³ См., например: Киссинджер 2002; Kissinger 2014; Buchanan 2002; Капхен 2004; Годд 2004; Валлерстайн 2001; Mandelbaum 2005; Kennedy 2008; Закария 2009; Мир... 2009; NIC 2012; Lachmann 2010: 185, 197; Grinin, Korotayev 2015.

и делающего ставку прежде всего на разведывательные службы и силовые структуры (пресловутую «политику большой дубинки»). Но такая политика непригодна для рационального управления Империей⁴. Это очень важный момент для настоящего прогноза, поскольку противоречие между архаической политической системой США и ее внешнеполитическими обязательствами будет усиливаться и обостряться (см. подробнее: Гринин 2018). Поэтому в ближайшее время вероятны неожиданные повороты во внешней политике страны, независимо от того, какая администрация будет ею управлять.

Эти повороты могут касаться отношений со странами, которые традиционно рассматривали себя союзниками Америки. Иными словами, им следует ожидать от США ухудшения отношений, новых финансовых требований, даже санкций. Соединенные Штаты могут стать еще более недоговороспособными, чем были в последнее время. Эпидемия коронавируса может явиться важным пунктом и в усилении борьбы так называемых глобалистов (представителей американского бизнеса и финансов, ориентирующихся на мировой рынок), а также бизнеса, ориентированного на внутренний потребительский рынок США и их производственный сектор.

Можно ожидать и усиления антикитайской риторики, для чего любой повод будет хорош. В ближайшее время США начнут разыгрывать карту ответственности Китая за распространение коронавируса под предлогом якобы неправильных действий, которые нанесли им вред. По сути, это уже произошло, но к конкретным действиям они, скорее всего, перейдут после выборов. Причем в самое последнее время антикитайской риторикой отличаются как трамповский, так и антитрамповский лагерь. С одной стороны, усиливаются нападки Д. Трампа и республиканцев на ВОЗ и обвинение руководителей этой организации в том, что они слишком хвалили китайские власти, не проверяли и не передавали информацию оттуда своевременно и прозрачно, тем самым позволив вирусу распространиться на другие страны, в том числе США. С другой стороны, Джо Байден и демократы обвиняют Трампа в том, что он пренебрег якобы поступавшими данными от разведок о начинаю-

⁴ Об архаичности американской политической системы и ее слабостях см.: Фридман 2011: гл. 1; Lachmann 2010: Ch. 7.

щейся в Китае эпидемии и слишком доверял китайским лидерам. Это теперь главная козырная карта демократов. В свою очередь, Трамп заявляет, что Байден в качестве сенатора, вице-президента и кандидата в президенты проявлял непростительную мягкость в отношении Китая. Плюс звучат абсурдные (но опасные) требования к этой стране возместить США ущерб от эпидемии в триллионы долларов и ввести новые санкции. Появляются даже крайне опасные для Соединенных Штатов идеи о том, чтобы обнулить их долг Китаю в размере более 1 трлн долларов. Таким образом, китайская тема становится основной в предвыборной борьбе 2020 г.

Словом, внутривнутриполитическая борьба полностью подчиняет себе внешнеполитические интересы Америки, а это значит, что в следующие четыре года борьба партий в США пойдет по уже опробованному сценарию, только вместо России демонизировать будут Китай (впрочем, и нашу страну, конечно, тоже не забудут). Следовательно, попытки наказать КНР могут в ближайшие годы привести к еще более напряженным отношениям в Мир-Системе, чем в последнее время, что, без сомнения, еще больше расшатает существующий мировой порядок, а также весьма сильно поляризует мир.

В таких странах, как Россия, нынешние антивирусные меры способны полностью остановить экономический рост, что может повлечь за собой утрату страной экономической силы. Притом она может пытаться компенсировать эти потери за счет более активной и в чем-то более жесткой внешней политики. Однако в среднесрочной перспективе ближайших лет ухудшение экономической ситуации в РФ может привести к обострению внутривнутриполитической ситуации в стране, усилить опасность социально-политической дестабилизации. Не менее сложная ситуация может ожидать и Саудовскую Аравию, особенно в случае затяжного периода низких цен на нефть. Там уже начали принимать непопулярные фискальные меры. В стране может вновь обостриться подковерная политическая борьба за власть, притом что по мере сокращения в таких условиях ее валютных запасов начнет снижаться и ее влияние в арабском мире.

Следует отметить, что моменты изменения мирового порядка и кризисно-депрессивного развития (которое мы прогнозируем

в среднесрочной, а отчасти и в долгосрочной перспективе⁵) очень тесно связаны. Именно в такой период слабого экономического развития усиливаются турбулентные явления в мировой политике, мировой порядок расшатывается, начинаются поиски его альтернативных моделей. Отметим, что согласно теории производственных революций (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015а; Grinin *et al.* 2017а; 2017b) современная эпоха относится к третьей в истории – кибернетической⁶ – производственной революции (после аграрной/неолитической и промышленной). Эта революция имеет три фазы. Первая – бурное инновационное развитие 1955–1990 гг. Вторая – следующая производственная революция – будет протекать предположительно в 2030–2040-х гг. Она, таким образом, сольется с шестым технологическим укладом, формирующимся в результате шестой кондратьевской волны (о кибернетической революции и шестой кондратьевской волне см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; Grinin L. E., Grinin A. L. 2016; Grinin *et al.* 2016; 2017а; 2017b). 1990–2030-е гг. – это период промежуточной фазы кибернетической революции, в котором мы сейчас и находимся.

Особенностью данной фазы являются менее инновационные технологические преобразования, но более быстрое и мощное их усовершенствование и распространение в большинстве стран мира (примеры – ЭВМ на начальной фазе в 1950–1970-е гг. и персональный компьютер малого размера в 2020-е гг.; аналогично – мобильный телефон); при этом в 1950–1970-е гг. инновационные технологии получали распространение преимущественно в развитых государствах, а в 1990–2020-е гг. – в прежде отсталых странах. Для нового технологического рывка необходимо несколько выровнять уровни странового развития в мире; именно это и происходило и продолжает происходить до настоящего времени. Развивающиеся страны существенно сблизились с развитыми за счет того, что темпы роста в первых заметно выше, чем во вторых. Мы назвали этот процесс Великой конвергенцией (Grinin, Korotayev 2015) и ожидаем, что она будет продолжаться также в 2020-х гг.

⁵ Условно считаем среднесрочную перспективу в пределах 10 лет, долгосрочную – в интервале от 10 до 30 лет.

⁶ Не стоит путать с популярной, но, по нашему мнению, научно не вполне обоснованной идеей четвертой промышленной революции.

Для нового технологического рывка центр Мир-Системы должен ослабнуть, многие старые политические, социальные, международные отношения должны быть изменены. Все это может происходить только за счет явления, которое выше мы определили как реконфигурацию Мир-Системы. Соответственно, эта реконфигурация заключается в подтягивании политической составляющей современного мира к экономической, которая сильно опередила политическую (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015б; Grinin, Korotayev 2012). Ясно, что экономическая и финансовая глобализация зашла намного дальше, чем политическая. Соответственно подтягивание политической составляющей – это болезненный, турбулентный, конфликтный, местами революционный процесс. Не случайно и глобализация в своем прежнем издании забуксовала. Экономическая глобализация откатывается назад (взять хотя бы введение импортных тарифов и развал ВТО), а политическая расчищает себе пространство. Подтягивание политической составляющей будет осуществлено в результате начала формирования нового мирового порядка. Но для этого приходится разрушать старый порядок, а это, естественно, болезненный и опасный процесс. Коронавирусная эпидемия – очередной шаг в данном направлении.

В целом же ближайшие 10–12 или более лет ожидаются экономически и политически трудными и конфликтными. При этом можно ожидать и возникновения новых крупных игроков, прежде всего Индии.

Таким образом, стабильный подъем мы увидим только в начале 2030-х гг., собственно, и новая шестая кондратьевская волна может начаться в это время. Тем не менее сейчас сложно сказать, насколько прочными окажутся экономики и финансовые сектора. Не исключено, что, несмотря на все усилия правительств, рынки обрушатся значительно раньше, и в этом случае следует ожидать не одного длинного, а двух коротких бизнес-циклов.

Литература

Валлерстайн, И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. 416 с.

Гринин, Л. Е.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2010. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюглярских циклов. В: Коротаев, А. В., Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е. (ред.), *История и Математика: Анализ и моделирование глобальной динамики*. М.: ЛИБРОКОМ. С. 44–111.

2012а. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2: 43–61.

2012б. Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.

2016. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель. С. 191–239.

2018. Слабости Америки и президент Трамп. *История и современность* 3: 3–31. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.01>.

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.

2015а. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». 424 с.

2015б. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад. *Историческая психология и социология истории* 8(1): 172–197.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.

Егисман, В. 2020. Насколько глубокой окажется рецессия в США? *VOA* 31 марта. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/vj-pandemia-recession-threat/5354065.html> (дата обращения: 05.04.2020).

Закария, Ф. 2009. *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа. 280 с.

Капхен, Ч. 2004. *Закат Америки. Уже скоро*. М.: АСТ, ОАО «Люкс». 636 с.

Киссинджер, Г. 2002. *Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI в.* М.: Ладомир. 352 с.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. 2009. М.: Европа. 188 с.

Тодд, Э. 2004. *После империи. Pax Americana – начало конца*. М.: Международные отношения. 240 с.

Фридман, Дж. 2011. *Следующие 10 лет. 2011–2021*. М.: Эксмо. 320 с.

Bernanke, B., Gertler, M., Gilchrist, S. 1998. *The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework*. NBER Working Paper No. 6455. Cambridge, MA: NBER.

Buchanan, P. J. 2002. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. New York: St. Martin's Griffin. 320 pp.

Grinin, L. E. 2013. The Tiger and the Dragon. Development Models and Perspectives of India and China. *Journal of Globalization Studies* 4(1): 5–31.

Grinin, L. E., Grinin, A. L. 2016. The Sixth Kondratieff Wave and the Cybernetic Revolution. In Grinin, L. E., Ilyin, I. V., Herrmann, P., Korotayev, A. V. (eds.), *Globalistics and Globalization Studies: Global Transformations and Global Future. Yearbook*. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House. Pp. 337–556.

Grinin, L. E., Grinin, A. V., Korotayev, A. V.

2017a. Forthcoming Kondratieff Wave, Cybernetic Revolution, and Global Ageing. *Technological Forecasting and Social Change* 115(C): 52–68. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.09.017>.

2017b. The MANBRIC-Technologies in the Forthcoming Technological Revolution. In Devezas, T. C., João, L., Sarygulov, A. (eds.), *Industry 4.0: Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing. Pp. 243–261.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2012. Does “Arab Spring” Mean The Beginning Of World System Reconfiguration? *World Futures: The Journal of Global Education* 68(7): 471–505. DOI: <https://doi.org/10.1080/02604027.2012.697836>.

2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer International Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17780-9>.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2016. *Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery*. Cham: Springer International Publishing Switzerland. 265 pp. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-41262-7>.

Grinin, L., Tsirel, S., Korotayev, A. 2015. Will the Explosive Growth of China Continue? *Technological Forecasting and Social Change* 95: 294–308. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2014.06.023>.

Haberler, G. 1964 [1937]. *Prosperity and Depression: a Theoretical Analysis of Cyclical Movements*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 508 pp.

Kennedy, P. 2008. Is this the End of the American Era? *The Sunday Times* October 12. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/is-this-the-end-of-the-american-era-3sm9hvs9lw3> (дата обращения: 05.04.2020).

Kissinger, H. 2014. *World Order*. New York: Penguin Press. 432 pp.

Lachmann, R. 2010. *States and Power*. Cambridge, UK: Polity Press. 234 pp.

Mandelbaum, M. 2005. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the 21st Century*. New York, NY: Public Affairs. 312 pp.

Minsky, H. P. 2005. *Induced Investment and Business Cycles*. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar Publishing. 272 pp.

Mitchell, W. C. 1927. *Business Cycles: The Problem and Its Setting*. New York, NY: NBER. 519 pp.

NIC – National Intelligence Council. 2012. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. Washington, DC: National Intelligence Council. URL: <https://www.dni.gov/index.php/who-we-are/organizations/mission-integration/nic/nic-related-menus/nic-related-content/global-trends-2030> (дата обращения: 05.04.2020).

Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, NY; London, UK: McGraw-Hill Book Company Inc. 461 pp.

Tugan-Baranovsky, M. I. 1954. Periodic Industrial Crises. A History of British Crises. *Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the United States* 3(3): 745–802.